

Псаломъ 61.

НАДПИСАНІЕ.

Ст. 1) Въ концѣз, ѡ ідіѣѡмѣ, Псаломъ дѣдѡ (въ Евр. Начальнѣйшемѣ пѣвцѣ ідіѣѡмѣ пѣснь дѣдова).

СОДЕРЖАНІЕ.

Сей псаломъ по большей части содержитъ размышленія, коими Давидъ воодушевляеть себя и другихъ возлагать надежду на Бога, и не ослабѣвать въ подвигахъ, противъ искушеній подъемлемыхъ. При концѣ псалма бесьдуеть о суетномъ упованіи на богатство.

ТОЛКОВАНІЕ.

2) Не бѣѡ ли повинѣтѣа дѡша моа; ѡ тогѡ бо испаніе моє.

3) Ибо тоѡ бѣз моѡ и спѣз моѡ, злѣтѡпникъ моѡ: не подвижѡла напѡче (въ Евр. мнѡгѡ).

Извѣстно, что и благочестивыхъ людей мысли не всегда бываютъ спокойны, но часто колеблются смущенія волнами. Они хотя пріемлютъ Божіе слово со всякою покорностію, но между тѣмъ яко чловѣки, многими безпокойными обуреваются мыслями, возмущающими тишину духа и твердость вѣры. Давидъ, будучи въ такомъ состояніи, и тяжело боримый отъ различныхъ искушеній, сильно старается свободиться отъ нихъ; почему, плѣняя чувства свои въ послушаніе вѣры, глаголетъ: *не Богу ли повинется душа моя?* Сими словами означаетъ, что крестъ, возлагаемый на насъ Богомъ, должно нести терпѣливо и съ спокойнымъ духомъ. Ибо слова сіи противопологаеть тому безпокойству, съ каковымъ мы иногда ропщемъ на Бога. Сія высокая мысль сильнѣе выражена въ Еврейскомъ текстѣ такъ: *да будетъ тебѣ молчаніе предъ Богомъ, душе моя!* Сіе молчаніе не что иное есть, какъ смиренное покореніе: что бываетъ, когда вѣрные успокоиваются въ Божіихъ обѣтованіяхъ, когда слушаютъ слово Его, когда повинуются волѣ Его, и когда всякое волненіе страстей, встающее въ сердцахъ, благоразумно укрощаютъ. А какъ для вѣрныхъ не довольно единымъ сраженіемъ побѣдить искушенія, (ибо сатана тотчасъ собираеть новыя силы, и снова борется съ нами): сего ради Давидъ часто прибѣгаетъ къ Богу, прося помощи отъ Него, и по сей причинѣ многими прилагательными именами ублажаетъ и умоляетъ Его, дабы столько же принять щитовъ, и отразить нападенія сатаны. При концѣ стиха, когда говоритъ, *не подвижуся много*, или не паду тяжело, назнаменуетъ, что хотя и можетъ поколебаться, яко чловѣкъ, подверженный общимъ немощамъ, однако при помощи Божіей совершенно не падеть; а ежели и сіе случится, то падежъ будетъ не смертельный, понеже Богъ подложитъ руку Свою, и его подыметъ.

4) Докѡлѣ належитѣ на чловѣка; ѡбнѡвите вѣн вѣ, ѡкѡ стѣнѣ преклонѣнѣ и ѡплѡтѣ возрнѡвѣнѡ.

(въ Евр. вѣн вѣ ѡбнѡвѣн вѣдете: вѣн вѣдете ѡкѡ стѣнѣ преклонѣна, и ѡкѡ ѡплѡтѣ ннзрнѡвѣнѡ).

Давидъ укоряеть враговъ своихъ за ихъ ожесточенную злобу, показывая, что они употребляли всякія мѣры, дабы погубить его, и всегда устроили новыя козни. Здѣсь надобно разсмотрѣть, куда клонится оное подобіе, которое тотчасъ слѣдуетъ за симъ. Нѣкоторые мнятъ, что съ стѣною преклоненною сравниваются здѣсь люди нечестивые. Якоже бо ветхая стѣна угрожаетъ всегдашнимъ паденіемъ, тако и они непрестанно падаютъ во грѣхи, и дотолѣ продолжаютъ грѣшить, донелѣже низринутся въ погибель. Но Давидъ, какъ кажется, другую мысль имѣлъ. Ибо какъ стѣна, худо складенная, хотя по внѣшнему виду является толста и широка, но будучи внутри пуста, къ паденію клонится: тако и нечестивые, надменные вѣтромъ гордости, хотя замыслы свои далеко распространяють, однако рѣдко въ нихъ успѣвають. И какъ стѣна поврежденная и внутри пустая внезапнымъ паденіемъ не токмо разрушается, но и на малѣйшія части раздробляется: тако Давидъ врагамъ своимъ внезапное паденіе предвозвѣщаетъ, назнаменуя, что хотя они на высокомъ степени достоинства поставлены и, надмеваясь гордостію, ужасныя угрозы изрыгають, однако падутъ непременно, и притомъ падутъ съ величайшимъ шумомъ, подобно огромной стѣнѣ, вдругъ разрушившейся, или оплоту, стремленіемъ воды увлеченному. Блаженный Августинъ,

толкую мѣсто сіе въ духовномъ смыслѣ, оплакиваетъ бѣдственное паденіе душъ, оружіемъ различныхъ страстей отъ злыхъ духовъ ежедневно поражаемыхъ и убиваемыхъ, яко то: сребролюбіемъ, гордостію, похотію, гнѣвомъ, завистію, и иными симъ подобными страстями. Итакъ, негодуя на духовъ злобы, глаголетъ: *доколѣ належите на челоуѣка?* Доколѣ не престанете навѣтовать челоуѣческому роду, нападаая на него то хитростію, то открытымъ образомъ? Доколѣ будете поражать души бѣдныхъ челоуѣковъ, и увлекать съ собою во адъ? Доколѣ будете приражаться несчастному челоуѣку, яко стѣнѣ преклоненнѣ и оплоту возриновену? Сими словами весьма изрядно описалъ намъ Августинъ какъ демоновъ силу, и лютость ихъ къ челоуѣческому роду, такъ и немощь нашу. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы, по растлѣніи естества, сдѣлались подобны стѣнѣ, къ паденію преклонившейся, и легко разрушиться могущей: понеже и тлѣнію подлежимъ, и удобопреклонны на зло отъ юности нашей. Сего ради прилично восклицаетъ Апостолъ: *окаяненъ азъ челоуѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)?

5) *Облѣче цѣпнѣ мои ѡбѣщаша ѡринѣти, чекѡша въ жаждѣ: оустѣи свои ми благоволахѣ, и ѡ сердце ми своимъ кленѣхѣ.*

Якоже Давидъ, со своей стороны, вѣру назидаль, дабы тверже надѣяться на милость Божію: тако напротивъ враги его устроили ему козни, исполненные гордости, безчелоуѣчія, коварствъ и насилія. Аки бы сказалъ: враги мои, при всѣхъ усиліяхъ своихъ, хотя другихъ успѣховъ никакихъ не имѣють, какъ токмо сами стремглавъ упадаютъ; однако, будучи объаты неистовствомъ, не престають изобрѣтать новыя козни, дабы меня низложить. Они не токмо не хотятъ отдать справедливости заслугамъ моимъ, но еще съ жадностію устремляются на погибель мою: при всемъ томъ, пріобывши къ обманамъ, устами благословляютъ, а сердцемъ кленуть. Отсюда видимъ, какое имѣють намѣреніе и духовные враги, когда воюють на праведныхъ. Они къ тому наипаче стремятся, дабы лишить насъ вѣчныхъ почестей, въ которыхъ они завидуютъ намъ, понеже сами чрезъ паденіе свое лишились оныхъ. Сего ради воюють на насъ, сего ради возжигаютъ похоти, дабы отнять у насъ и великую цѣну, ею же искуплены мы, а съ нею купно похитить и почестъ вѣчныя славы. Они устами своими благословляютъ, то есть, по видимому, добра желаютъ, представляя удовольствія и утѣхи настоящія жизни: а сердцемъ своимъ кленуть, то есть, зла желаютъ, вѣдая, что успѣхи оныя не что иное суть, какъ сладкій ядъ души, и средство, служащее ко отыятію вѣчнаго наслажденія.

6) *Облѣче бѣгови повнннѣа, дѡшѣ моѡ: ѡкѡ ѡ тогѡ терпѣніе моѡ.*

7) *Ибо чѡнъ бѣгъ мой и спѣсъ мой, заступникъ мой: не прегрѣбѣа* (въ Евр. не подвижѣа).

8) *Ѡ бѣгѣ спасеніе моѡ и слава моѡ: бѣгъ помоци моеѡ, и оупованіе моѡ на бѣа.*

Повторяетъ начальные два стиха, дабы показать, что хотя и велики искушенія, одержавшія его; но онъ, уповая на помощь Божію, ничего не боится. Аки бы сказалъ: пусть, елико хошутъ, неистовствуютъ враги: ты же, душе моя, не смущайся, но въ безмолвіи покаряйся Богу; Той подастъ тебѣ помощь: *ибо Той есть Богъ мой, и Спасъ мой, и заступникъ мой.* Сего ради не подвижуся, ниже преселюся въ страну враговъ, но постоянно пребуду во ополченіи Бога моего. Въ стихъ осьмомъ заключаетъ, что онъ всего ожидаетъ отъ Бога, — то есть, и конца и средствъ. Конецъ есть избавленіе отъ всѣхъ золь, и стяжаніе верховнаго блага: оное означилъ чрезъ слово *спасенія*, а сіе — чрезъ слово *славы*. Средства суть помощь Божія, и упованіе наше на Бога. Аки бы сказалъ: отъ Бога ожидаю спасенія, сирѣчь избавленія отъ золь, ожидаю и вѣчныя славы, въ которой состоитъ верховное мое благо. Егда бо узримъ Бога и съ Нимъ соединимся, тогда прямо будемъ спасени и блажени. За симъ, наконецъ, присовокупляетъ: *Богъ помощи моея, и упованіе мое на Бога.* Аки бы сказалъ: не токмо въ Бозѣ послѣдній конецъ сокровенъ имѣю, но и источникъ милости обрѣтаю, при помощи которыя конца онаго достигну, и потому упованіе мое на Бога не тщетно. Коликими убо наименованіями прославляетъ Давидъ силу Бога спасающую, толикими подкрѣпляетъ себя подпорами къ постоянству, и толикими же уздами удерживаетъ своеволіе плоти, дабы нигдѣ не искала спасенія, какъ токмо въ Бозѣ.

9) *Оупованіе на него, бѣеѡ соимъ людеѡ: и злѡиште предъ нимъ сердца вѣла, ѡкѡ бѣгъ помоциникъ нашъ.*

Будучи воодушевленъ упованіемъ на Бога, обращаетъ слово къ другимъ, и призываетъ къ соучастію подвиговъ, дабы равно могли быть соучастниками и въ побѣдѣ, и въ торжествѣ. *Нарицаа сонмъ людей*, безъ сомнѣнія, означаетъ Іудеевъ: ибо прежде нежели возсіялъ свѣтъ вѣры и богопознанія у язычниковъ, одни Іудеи имѣли чистое понятіе о Богѣ. И потому, ясно раздѣляя избранный народъ отъ язычниковъ, какъ бы такъ глаголетъ, что недостойно было бы сыновъ Авраамовыхъ, которымъ открыто было Боговѣдѣніе, и которыхъ Богъ особенно принялъ въ Свое покровительство, ежели бы всѣ они особенно не были привержены къ нему, какъ въ счастливыхъ, такъ и несчастливыхъ случаяхъ. А поелику сердца человѣческія во время несчастныхъ обстоятельствъ обыкновенно стѣсняются и по сей причинѣ ожесточаются предъ Богомъ, а чрезъ то и болѣзни свои умножаютъ, сего ради Пророкъ преподаетъ наилучшее противъ недуга сего средство: дабы вѣрныя, возлагая печали свои на Бога, нѣкоторымъ образомъ сердца свои смягчали, и аки воду изливали предъ очами Его. Ибо примѣчено, что изъ сердца стѣсненнаго печалію никогда не исходятъ свободныя молитвы. Кратко сказать: Давидъ врачуетъ здѣсь недугъ, врожденный нашей растлѣнной природѣ. Ибо мы, скрывая наши болѣзни, лучше желаемъ внутренно терзаться, нежели усердныя молитвы проливая предъ Богомъ, тѣми себя облегчать. Откуда происходитъ то, что, совершенно предавшись печали, погружаемся въ отчаяніе. Наконецъ, что выше глаголае о себѣ единомъ, сіе здѣсь распространяетъ на весь народъ, провѣщая, что спасеніе его зависитъ отъ помощи единого Бога: *яко Богъ помощникъ нашъ*.

10) *Обаче сѣтнн сынове челоѣчестн, лживи сынове челоѣчестн въ мѣрилахъ ѣже неправдѣти: тн ѿ сѣты вкѣпѣ* (въ Евр. *ѣще на мѣрила въздытъ, легчѣе сѣты въздытъ вкѣпѣ*).

Сими словами осуждаетъ Пророкъ слѣпое невѣріе людей, которые лучше желаютъ суетными мечтами прельщаться, нежели уповать на Бога, Который обмануть не можетъ. А понеже находилъ такую суету не въ однихъ токмо избранныхъ сынахъ Авраамлихъ; сего ради распространяетъ слово на весь человѣческій родъ и говоритъ вообще, что всѣ подвержены суетѣ и лжи. Ибо, употребляя нарѣчіе *вкупъ*, никого не исключаетъ. Теперь когда слышимъ, что зло сіе находится не въ маломъ нѣкоемъ числѣ людей, но во всей человѣческой природѣ: то остается ли нѣчто разуму и мудрости нашей? Сему не противорѣчитъ то, что Богъ вѣрныхъ Своихъ отъ сего недуга очищаетъ. Ибо ежели ложь и суета исправляется въ нихъ отрожденіемъ Духа святаго, то слѣдуетъ, что они отъ естества были лживы. А хотя первый челоѣкъ непорочнымъ созданъ былъ отъ Бога, однако паденіемъ своимъ всѣхъ насъ вовлекъ въ сію порчу, такъ что весь свѣтъ, данный намъ отъ Бога, помрачился въ насъ. Люди какими бы дарованіями украшены ни были, однако всѣ они повреждены заразою грѣха. Сего ради прилично восклицаетъ Пророкъ: *суетни сынове челоѣчестн, лживи сынове челоѣчестн въ мѣрилахъ*. Ибо когда взыдутъ на вѣсы, то мѣра суеты и лжи перевѣситъ ихъ. Почему весьма изрядно замѣчаетъ Василій Великій, что здѣсь говорится не о тѣхъ мѣрилахъ, которыя собственно такъ называются, и которыя употребляютъ люди, продающіе товары, яко то: мяса, или волну, или нѣчто сему подобное; но о мѣрилахъ, общихъ всему человѣческому роду, то есть: о мѣрилахъ здраваго разсудка, даннаго намъ отъ Бога, дабы могли различать и какъ бы на мѣрилахъ взвѣшивать истинное добро и истинное зло, и чтобъ избирали первое, а отъ другаго удалялися. Но люди по большей части лгутъ себѣ и другимъ, употребляя мѣрила неправедныя, и, что еще горше, употребляя оныя волею, по оному изреченію: *вижу лучшее, и похваляю; но худшему послѣдую*. Напримѣръ, никто не можетъ отрещись, чтобъ грѣхъ и геенна не были величайшее и прямое зло, а правда и блаженство не были бы величайшее и прямое благо: однако, когда взвѣшивается на мѣрилахъ временная корысть и вѣчная жизнь, то корысть перевѣшиваетъ, и избирается; и паки, когда взвѣшивается временный убытокъ и вѣчная смерть, то временный убытокъ перевѣшиваетъ, и челоѣкъ, дабы избѣжать его, презираетъ огонь геенскій.

11) *Не оупобѣйте на неправдѣ, ѿ на возхнщеніе не желайте* (въ Евр. *ѿ възхнщеніи не сѣтнтелѣ*): *богѣство ѣще течѣтъ, не прилагайте сердца*.

Здѣсь показываетъ Пророкъ, что люди не прежде могутъ твердо уповать на Бога, какъ развѣ тогда, когда оставляютъ всѣ обманчивыя надежды, отвлекающія челоѣка отъ Бога. Итакъ, повелѣваетъ удалить препятствія сіи и очистить душу отъ пороковъ, гнѣздящихся въ сердцѣ

вмѣсто Бога. И хотя о нѣкоторыхъ токмо видахъ грѣха упоминаеть, однако вообще назнаменуеть, что сердце человѣка никогда не можетъ безъ лицемѣрія прилѣпиться къ Богу, донелѣже не будетъ очищено отъ противныхъ ему пороковъ. Подъ именемъ неправды разумѣется здѣсь обманъ, и потому запрещается всякая неправедная корысть, пріобрѣтаемая какъ тайною неправдою, каковъ есть обманъ, такъ и явнымъ насиліемъ, каково есть хищеніе. Полагая глаголь, *не желайте*, отсѣкаетъ и самое злое пожеланіе, которое такъ ослѣпляетъ умы, что люди безъ всякой опасности наказанія стремятся на все непозволенное. За симъ присовокупляетъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца*. Прилагать сердце къ богатству — означаетъ не токмо страстно желать богатства, но и уповать на него, и тѣмъ гордиться или высокоумдрствовать, какъ Павелъ глаголетъ (Римлян. 11, 12). Пророкъ еще хошетъ, чтобъ люди къ богатству, и праведнымъ образомъ пріобрѣтенному, не имѣли пристрастія. Коль же полезно сіе увѣщаніе, тому повседневный опытъ научаеть. Ибо ничто такъ не извѣстно, какъ то, что отъ избытка богатствъ раждается всякое своевольство. Почему и апостоль Павелъ праведно нарицаеть сребролюбіе корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим. 6, 10). И Василій Великій прекрасно замѣчаетъ, что ослѣпленные сребролюбцы крайняго сожалѣнія достойны. Они мыслятъ, какъ богатство притекаетъ, но не мыслятъ о томъ, какъ утекаетъ: и для того де сказано: *не прилагайте сердца*. Чего ради? Да не съ текущимъ богатствомъ самое сердце утечетъ и погибнетъ. Подобаеть убо, егда течетъ богатство, имѣть сердце неподвижно и утверждено въ Бозѣ: притомъ располагать теченіе онаго такъ, чтобъ текло полезно, подражая примѣру благоразумнаго земледѣльца, который располагаетъ теченіе водъ или для орошенія вертограда, или для обращенія жернова, и тому подобнаго.

12) Ёдиною глагола бѣзъ, двѣа ѿа слышахъ, занѣ державла бѣжа,

13) Ё ткоа, гди, милость: ѿкв ты воздани комуждо по дѣломъ ѿгв.

Изъ всего вышереченнаго заключаеть, что сердца людей не иначе могутъ отторжены быть отъ суеты, какъ развѣ когда совершенно преданы будутъ судьбамъ праведнаго Бога. А какъ мысли человѣческія потому колеблются и на всѣ стороны развлекаются, понеже къ мірскимъ суетамъ преклонны; сего ради тихое пристанище показываетъ, научая успокоиваться въ Божіемъ словѣ. Впрочемъ, понеже къ Богу, живущему во свѣтѣ неприступнѣмъ (1 Тим. 6, 16), никто доступа имѣть не можетъ, какъ развѣ чрезъ руководство вѣры: сего ради Пророкъ другое предлагаетъ намъ слово, которымъ свидѣтельствуеть, что Богъ управляетъ міръ сей по Своей власти. И понеже имѣемъ мы великую нужду утверждаться на Божіемъ словѣ, сего ради рекомундуеть достовѣрность онаго, дабы мы не боялися никакой перемѣны, хотя бы Богъ единожды возглаголалъ къ намъ слово. Итакъ, оное реченіе: *единою*, или *единожды*, означаетъ непоколебимость Божія слова, какъ толкуеть Иеронимъ, аки бы сказалъ: *единожды* глаголетъ Богъ, и глаголемое непремѣнно бываетъ: вся бо повинуются мановенію Его, и Онъ не имѣетъ нужды повторять того, что *единожды* сказалъ. Оная же *двоа*, яже слышалъ Давидъ, и намъ всѣмъ возвѣстилъ, сія суть: первое яко въ Богѣ есть и сила, и милость: оныя да боимся, сію же да любимъ; второе, яко Онъ *воздасть комуждо по дѣломъ его*, такъ что и силою Своею неправедно не обидитъ никого, и милостию не нарушитъ правосудія. Кто о сихъ двухъ обстоятельствахъ прилежно разсуждаетъ, и къ онымъ сердце свое прилагаеть, тотъ поистиннѣ блаженъ и премудръ.